

Василий ПЕСКОВ

С радостью
Василий!

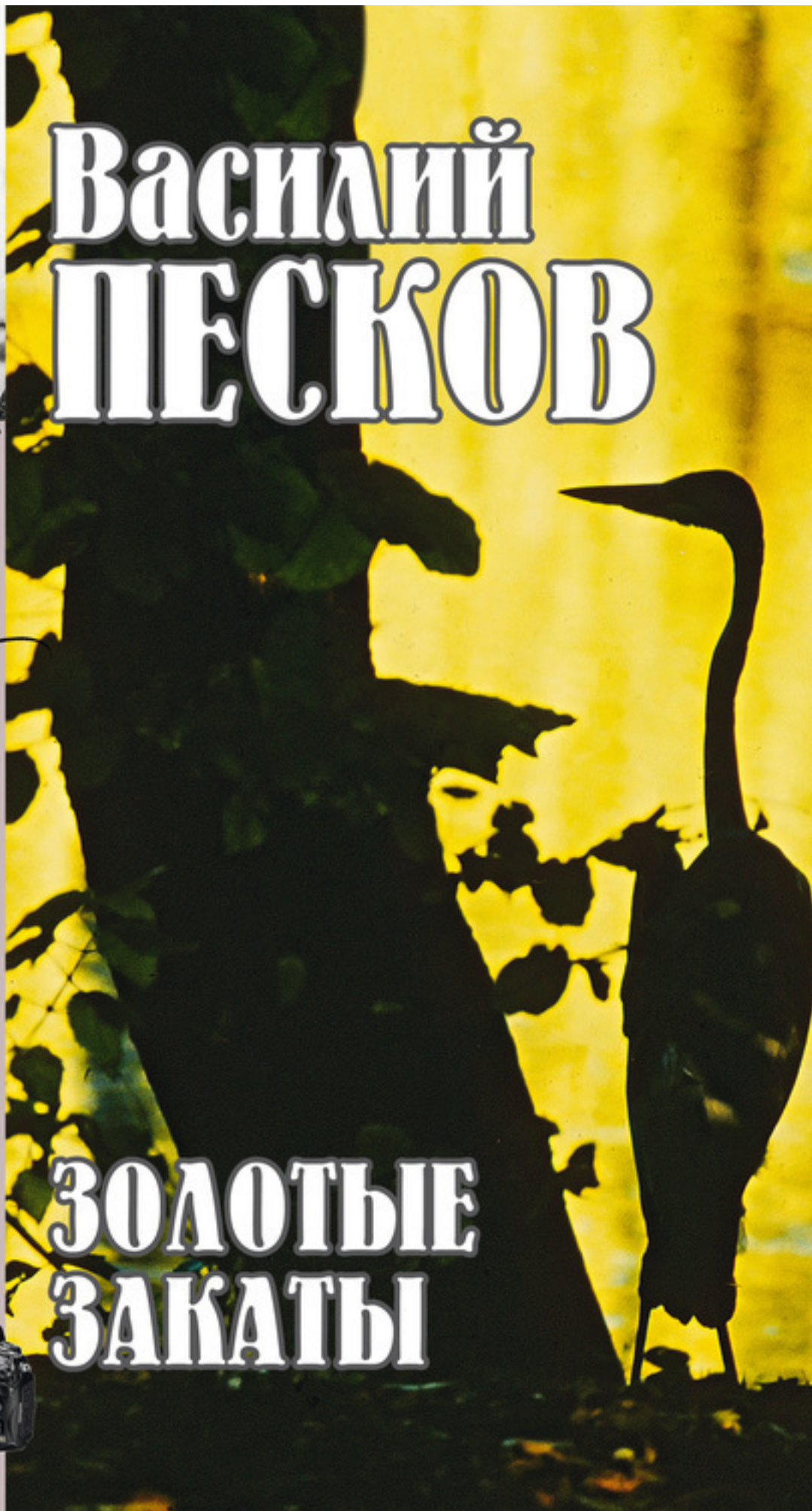
Юлиан

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

КОНСОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

ЗОЛОТЫЕ ЗАКАТЫ

Василий Песков. Полное собрание сочинений

Василий Песков

**Полное собрание сочинений.
Том 20. Золотые закаты**

«ИД Комсомольская правда»

2014

Песков В. М.

Полное собрание сочинений. Том 20. Золотые закаты /
В. М. Песков — «ИД Комсомольская правда», 2014 — (Василий
Песков. Полное собрание сочинений)

ISBN 978-5-87107-896-9

В новом томе собрания сочинений Василия Михайловича Пескова мы продолжаем публикацию заметок из рубрики «Окно в природу» и знакомим читателей с удивительными и мужественными людьми, встречавшимися Пескову в его журналистских поездках. Например, с историей двух русских мореходов Медведевых, которые вблизи Австралии потерпели аварию и более пяти месяцев были игрушкой океана.

ББК 94

ISBN 978-5-87107-896-9

© Песков В. М., 2014

© ИД Комсомольская правда, 2014

Содержание

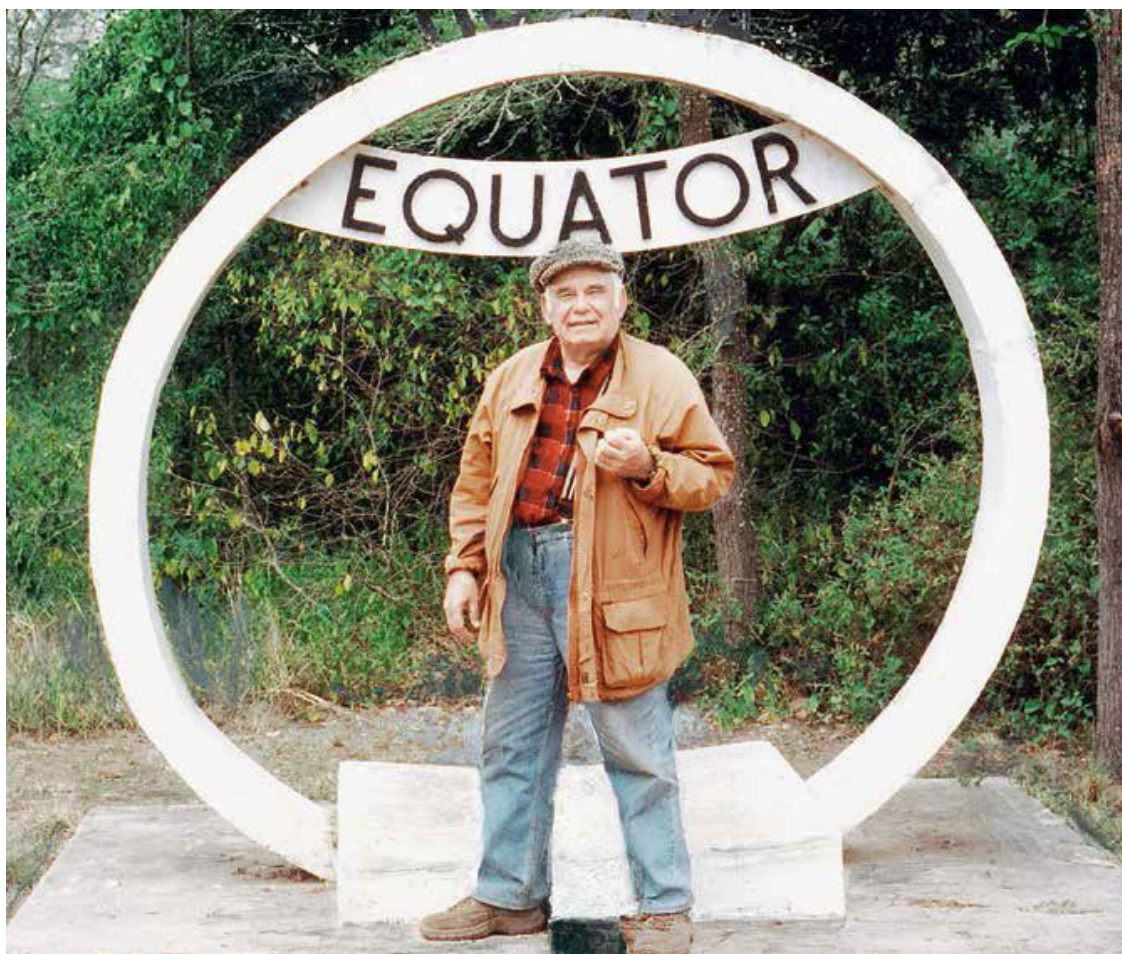
Предисловие	7
1997	9
Гусиный бой	9
Маловато воды для щуки...	13
Маленькие тайны большого двора	16
На костре жизни	20
Живущий в крепости	26
Умолкающий невидимка	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Василий Песков
Полное собрание сочинений.
Том 20. Золотые закаты
1996-1998

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

* * *

«Мы законно гордимся построенными... заводами, комбайнами, спутниками, ледоколами. Это естественная гордость общества людей, начинавших жизнь от сохи и лаптей. Но если оглядеть наши ценности, главной будут не комбайны и спутники. Американец, с которым у меня состоялся разговор на антарктической базе Мак-Мердо, не мог понять: «Ваша целина без принуждения?.. Как это так оставить жизнь в хорошем месте и поехать в трудное?..» Это в самом деле нелегко понять человеку иного, не нашего мира. Главное, что радует нас в успехах и дает силу преодолеть трудности: в своих идеалах и устремлениях общество... опирается на лучшее из человеческих качеств – бескорыстие».
В. Песков

Предисловие

В последних томах собрания сочинений Василия Михайловича Пескова, если вы обратили внимание, заметки из «Окна в природу» стали несколько больше по объему. А секрет прост: в «Комсомолке» в конце девяностых прошлого века стало выходить пятничное приложение, в народе быстро получившее прозвище «толстушка» – за количество страниц.

И вот Василий Михайлович со своею рубрикой перебрался из основной ежедневной газеты туда. Это отдельная и довольно забавная история. Я наткнулся на нее на нашем сайте «Комсомолки» kp.ru. Там ее рассказывал Владимир Мамонтов, который именно в момент прихода Пескова в «толстушку» ее и возглавлял. Давайте вместе прочитаем:

«...Если честно, глядя на первые наши номера (а делали мы их впятером против остальной ежедневной «Комсправды» числом этак под триста), только очень прозорливый человек мог предположить, что успех придет. Шли на ощупь, проваливались в бездны. На планерке, когда вышел наш первый номер, стояла мертвая тишина, прерванная вздохом Ядвиги Юферовой: «Ну что, до такого мы еще не опускались».

Мы сидели на задворках знаменитого шестого этажа, все в маленьком ньюсруме, начальники с подчиненными наперекосяк... Мы ж были не дураки – и понимали, что сваяли не шедевр. И тут к нам пришел Василий Михайлович Песков.

– Привет, – сказал он. И снял кепку. Василий Михайлович задолго до Лужкова (бывшего мэра Москвы. – Ред.) ходил в кепке. А также в подтяжках. Он не был элегантен, врать не надо, и штаны его глажены бывали через раз, но в целом был образ. Стил. Мы расчистили ему стул.

Василий Михайлович был легенда... Он с 1956 года работал в «Комсомольской правде». Мне было четыре года, а он работал уже в «Комсомольской правде».

– Я вот чего подумал, ребята, – сказал Песков. – А отдайте-ка мне полосочку под «Окно в природу». В вашей этой... пятничной.

Алексей Ганелин, а он олицетворял всегда у нас противоход и тягу к новому, открыл рот, и я подумал, что сейчас все и решится.

– А запросто, Василий Михайлович, – сказал Алексей. – А вот милости просим.

Я представил, как вся ревностная «остальная» «Комсомолка» завтра неровно облезет, обсуждая, что Песков ушел «к ним», и мысленно заплодировал Ганелину.

– Полосочка, конечно, у вас маленькая, – вздохнул Песков. – А-три.

– Зато тираж у нас будет аж три. Аж три миллиона, – сказал я, поскольку отвечал за проект и врать-мечтать имел полное право.

– И пишете вы, конечно, черт знает о чем, – продолжал Василий Михайлович, как бы не слыша. – Кстати, Асламову вашу читал... Нет, ну... Эта тема... Ей близка! Она... Хорошо пишет, чертовка!

Песков разулыбался и рассказал анекдот. Анекдот удивительно подходил к теме Дарьи Асламовой (в те годы она была известна по своей книге-«бомбе» «Записки дрянной девчонки». – Ред.) и по закону не может быть рассказан в средстве массовой информации.

– Так это, – сказал он, когда мы громово, до кашля, до икоты отсмеялись за все унижения этого дня, за все волнения. – Я приношу полоску? Но чур без рекламы.

– Конечно, – сказал я, дивясь искренности собственного тона.

Он сел, и мы обсудили какие-то технологические мелочи. А также и не мелочи: он попросил, чтобы его стилистика не изменялась: фотография, неброский, но точный

заголовок, интонация – не надрывная, не зазывная, а оторваться невозможно. Мы сделали Василию Михайловичу душевный бутерброд.

– Что я хочу сказать? – начал Василий Михайлович. – Вот я всю свою жизнь воевал за то, чтоб маленькая речка моего детства стала опять чистой. Я исписал кучу листов бумаги, которые перепечатывали машинистки, правя мои ошибки, а я не стесняюсь сказать, что как сын машиниста и крестьянки делаю ошибки, и спасибо бабе Кате, великой комсомолкинской машинистке, что она их исправляет. Но вот пришли дни, когда моя речка опять чиста, в ней есть рыба, а вокруг тишина. Рад ли я? Нет. Ибо стали заводы моей страны. Испарилась ее сила. И река, которая стала чистой такой ценой, не радуется меня. Я бы порадовался, если бы сила ее была такова, что и сталь – и чистая вода. И ракета, и земляника. За вами, конечно, сила, чего там, други. Новая жизнь. Вы думаете, что вас пятеро тут? Да вы же на всей газете, как на грибнице, стоите. Имейте это в виду. Думаю, я вам не помешаю. Верно ведь?

– Честно говоря, вы нам сильно поможете, – сказали мы, – на фоне нашего сегодняшнего триумфа.

Он засмеялся довольно, поскольку он, конечно, был удивительный человек: и хитринка его была народная, и открытость дипломатическая, и свет не прожекторный, а ровный и верный. Ох, пригодился бы свет – хоть газеты реформируй, хоть РАН, хоть Минобороны. Но это к слову.

Точно могу сказать: все эти годы новой жизни «Окно в природу» выходило в «толстушке» единой и неделимой «Комсомольской правды»...

Подготовил Андрей Дятлов, заместитель главного редактора «Комсомольской правды».

1997

Гусиный бой

Окно в природу

Снимок сделан за три-четыре секунды до боя. Бой я тоже снимал, но на снимках трудно что-либо понять: распушенные крылья, перекрещенные шеи – азартная свалка. Тут же за мгновение до боя мы видим нечто подобное строю. Видим две группы. Гуси очень похожи, но опытный глаз сразу же отличает бойцов, остальные – поддержка, «болеельщики». Среди них непременно должна быть «любка» – подруга бойца-гусака. Без присутствия «прекрасных дам» гусаки проявят равнодушие друг к другу. Но если «любка» подает голос, подбадривает – гусак немедленно ринется в бой.

Гусиные бои – забава старинная и только российская. В других землях тешатся схватками петухов, перепелов, баранов, грызней собак, крысиными гонками, сраженьем бойцовых рыбок, таракаными бегами, в литературе, в стихах и музыке воспета знаменитая коррида. Гусиная потеха не лучше и не хуже других.

За четыре секунды до боя...

Когда люди еще не сидели у телевизоров, чем было себя потешить деревенскому человеку? Хороводами, вечерними посиделками, красочными свадьбами, кулачными боями и боями гусиными. Едва ли не в каждой деревне тульской, калужской, рязанской, курской, нижегородской земли в марте месяце тешились азартными зрелищами. Гусиным краем России сегодня почитаются курские земли – летом луга тут белым-белы от гусей. А бои сохранились

только в нижегородских – на Оке в Павлове и вот в нескольких селах за Волгой. Тут тоже «свеча догорает», но есть еще и азартные люди, и азартные гусаки.

Несколько лет собирался съездить на это ристалище, но по разным причинам в третье мартовское воскресенье был чем-то срочным занят. А в этот раз друг – подмосковный птицевод Николай Иванович Золотухин – сказал: «Брось все, поедем!»

И вот едем в Нижний через Покров, Петушки, Владимир. Ночью блуждаем по окраине города в поисках дома одного здешнего гусятника. Нас терпеливо ждали – ужин, сладкие «гусиные» разговоры, хождение с фонариком к загону, где сдержанно гогочут дородные серые птицы. Приехавших четверо. Кроме нас с Николаем Ивановичем, двое шоферов из-под Курска, тоже гусятники, мечтают возродить «потеху» на Черноземье. В Нижний гусей своих переправили загодя и сейчас пытаются их отличить от всех остальных...

Утро солнечное – с писком синиц, с капелью, с сорочьими играми, с белой бороздой самолета на небе. Попив чайку и погрузив большие корзины с гусями, едем на Волгу и через час прибываем в деревню Поповка. Подъезжают и подъезжают гусятники. Богатые из автомобилей выносят корзины и короба с птицами, бедняки привезли свои сокровища на салазках. В остальном – равенство, герой тот, чей гусь победит.

Образуются пары соперников: «Ну что,пустишь против моих?» – «Не возражаю, давай...» Кое-какие пары определились заранее. И есть соперники давние – чей-то гусь проиграл года четыре назад, и вот теперь хозяин привез нового и очень надеется на него. В центре внимания семья старейших гусятников Мироничевых: дед Алексей, сыновья – Владимир и Павел и внук Иван. У каждого свои гуси, у семьи в целом – счета с такой же династией.

Рассказывают: давние соперники могут не дожидаться большого ристалища и прямо во дворе сводят своих воспитанников. При этом для куража могут быть ставки денежные. И немаленькие. Иногда ставки в азарте делают «на миру». Отец приютившего нас Александра Чивикина был страстным гусятником. На боях в 61-м году, выпустив своего гусака, он положил на снег тысячу рублей: «Кто?» Тридцать пять лет назад это была очень высокая ставка. Нашелся кто-то такой же азартный. И проиграл.

Сейчас обедневший гусятник шепнет соседу: «Ну что – на банку?» После боя «банку» тут, на снегу, и «раздавят», закусив хлебом и салом.

Гуси об этих страстях человеческих, конечно, не ведают. Их драки – предписание Природы, гуси не знают: огорчили хозяина или же осчастливили.

У всякого состязанья есть правила. И у гусятников они есть. Нельзя, например, ставить старого гуся против молодого, неопытного. Переходник (двухлеток) должен сражаться с ровесником, трехлеток – с трехлетком, и только после пяти лет все гуси считаются равными в силе и опыте.

Есть на ристалище в согласии выбранный знаток баталий – нечто вроде судьи. Он следит за всеми тонкостями поединка, определяет победителя, улаживает споры, недоразумения. По его сигналу в круг, образованный двумя сотнями людей, выпускают сейчас первую пару соперников. Страсть гусей к мартовским дракам так велика, что схватка начинается сразу. Гусаки хватают друг друга клювами за сгиб крыла, стараются прижать, припечатать к земле, ударить своим крылом – гусаки пятаются, наступают, заставляя зрителей то делать круг шире, то сузить. Гусыни в это время своих возлюбленных поддерживают страстными голосами. Иногда в азарте они могут клюнуть друг друга. Но всерьез не сцепляются: драки – дело мужское.

Гусаки же полны решимости победить: молотят друг друга крыльями, но главное – клюв. Кто рос в деревне, знает, как больно гусак может ущипнуть за мягкое место. Сгиб же крыла у птицы особо чувствителен к боли, и поединок часто решает невозможность терпеть эту боль. Ослабший вырывается и бежит.

«Ушел! Ушел!» – приветствует победителя круг болельщиков. Победитель гордо направляется к «даме сердца». А побежденный? Он свою подругу теряет? Нет. Гусыня спешит за воз-

любленным, есть у нее утешенье, знаки вниманья и все остальное, что полагается в их отношениях.

Между тем на арене еще одна пара. Тут дело принимает другой оборот. Один из гусей решил, что лучше донять противника, потянувшись клювом к его голове. В гусином мире это, возможно, один из хороших приемов, но в человеческих правилах боя это недопустимо. «По шубе пошел! По шубе!..» – кричат болельщики, наблюдая, как гусь тербит на спине противника перья. «Голова! Голова!..» – это значит: гусак норовит нанести «запрещенный» удар. После трех замечаний насчет «головы» гуся дисквалифицируют, и победа, не очень, как я понял, почетная, присуждается тому, кто правил не нарушал. Еще большее прегрешение в драке – схватить противника клювом за лапу. Возможно, для птиц это норма, но тут, сейчас – вопиющее нарушение правил, понятное всем. «Нога! Нога!..» Хозяин гуся тоже понимает, что это позор, и поспешно прячет бойца-бедолагу в корзину.

Побежденный и нарушитель правил никогда больше в боях не участвуют. «Приезжайте, будет гусь с яблоками!» – скажет хозяйка дома, приглашая гостей. А победителя все запомнят. Бывали такие, что лет пятнадцать подряд оставались «не битыми». От такого бойца у хозяина просят потомство – яичко его возлюбленной или гусенка. Хозяин мудро распоряжается этим богатством, и растут в округе династии гусаков – «Бизонов», «Формазонов», «Карасей» (по фамилии хозяина – Карасева). Иногда появляется соблазн заполучить самого ежегодного триумфатора. Но кто же его уступит! Одному дедушке тут предложили за гуся большую молочную флягу меда и четыреста тысяч. Старик вежливо улыбнулся: «Зачем мне мед. Мне радость нужна!» Это вам ключ к пониманью «гусиной потехи». Хозяин горд птицей, которую вырастил и которая побеждает. «Во время боя я сам не свой – переживаю так, что зубы скрипят», – признался мне один из старейших гусятников. И посетовал: «Что осталось от прошлого! Жалко смотреть. Раньше были команды – село на село, район на район. По сто пар дрались! Людей собиралось – сосчитать невозможно».

Но и маленькая баталия с пятнадцатью парами бойцов была событием важным, подтверждавшим: традиция еще теплится.

Побежденных в этой баталии почему-то не было видно. Одни победители! С гордостью фотографировалась семья Мироничевых. Не опозорились гуси курян – Жорик и Тимка. Николай Иванович Золотухин хвалил своего «туляка». А сын доброй памяти Михаила Ивановича Чивикина (того самого, что клал на снег тысячу) зоолог Александр Чивикин захмелевшим голосом почти что пел: «Я сегодня очень, очень доволен...»

В прошлом веке, когда гусиные бои привлекали много людей, цена гусаков-рекордсменов, ежегодно побивавших противников, поднималась до 150 рублей (корова в те годы стоила 20 рублей). Ставки на гусиных боях в Нижнем делались золотыми монетами. Купцы гордились владеньем гусем-героем.

Угасая от года к году, птичья потеха все же, видим, до наших дней сохранилась. И порода «туляков» пока не утрачена – знатоки выбраковывают гусей с любым пятнышком, с любой черточкой вырождения, обмениваются, как теперь говорят, генетическим материалом: знают, какому бойцу кто был отцом-матерью.

Готовят ли «туляка» к бою? Насколько я понял, никакой дрессировки и обучения нет. Но важно держать гусака в форме, важно, чтобы не был он взперти и растил бы мускулы, а не жир. Излишним кормленьем можно бойца испортить. «Нехороша для корма пшеница, хорош овес. Крепит силы у гуся морковка и питье с медом», – просвещал меня в Нижнем старый гусятник.

Самое важное: должен гусак быть влюбленным, и подругу его непременно берут на бои. «Бывали случаи, купит охотник героя-гуся, а «любой» пренебрежет – найдет, мол, другую. Ан нет, выпустят гусака, а он ноль внимания ко всему, нет любимой – за кого драться?»

Любовь – главный двигатель всего живого!

- **Фото автора. 29 марта 1996 г.**

Маловато воды для щуки...

Окно в природу

Сперва полистаем, что писано Пришвиным про охоту на щук весной. Есть у нашего патриарха-натуралиста прелестный «Календарь природы», и есть там главка с названием «Щучий бой». «Календарь» был издан семьдесят лет назад, когда Пришвин жил на Плещеевом озере (Ярославская область) и вел дневник всего, что видел в природе.

Вот апрельские записи. Присел охотник на сани местного лесовоза. «Возчик назвал себя: Иван Базунов из Веслево...

– Знаменитый охотник за щуками? – спросил я.

– Спец своего дела, – ответил Базунов... – И в этом имею свою заразу счастья... Когда первые потоки пойдут и вольтуют в озеро, щука идет против струи, и тут я бросаю свое хозяйство и становлюсь на струю... Щука лезет на мелкое место, на тонкие воды, упирается в дно, выжимает икру, а молочники ее подбеляют. Бывает, до семи молочников кипит над большой щукой, она же всегда внизу, и тут – кто не умеет – ударит непременно в молочников, она же, самая большая, уходит. Но я знаю, как надо ударить, и бью острой ниже молочников, потому что я спец своего рода...»

Однако не один Базунов на Плещеевом озере славен был щучьим боем. «Вечером по забережью всюду огни: сторожат, с лучом идут по воде выше колена между берегом и льдом... С часу на час ожидают выхода самых больших щук... В полумраке Думнов, один из тех, что с Петром думу думал, в сторонке от всех по мелкому месту тащит огромную сваю, рушит ее с воды на край льда и перебирается на лед. Он заметил, что из-под льда время от времени показывается чудовищная голова... Видели, как Думнов наметился да так и остался с поднятой острой; оказалось, побоялся ударить – щука могла утащить его под лед. На берегу ругались и смеялись, а Думнов требует себе самогонки, выпивает бутылку за раз, ждет...

И вдруг сомнения о думновской щуке окончились – все видели, как показалась из-под льда и вернулась назад огромная голова. Думнов требует вторую бутылку.

После второй бутылки показывается та чудовищная голова. Думнов ударил правильно: пришил щуку ко дну. Но что теперь делать дальше, если от длинной остроги над водой остался только очень маленький кончик? Такую щуку нельзя достать на остроге, а руками не дотянешься... Думнов неплохо сделал, что выпил две бутылки самогонки, теперь ему по колено море: спускается в ледяную воду, становится ногами на щуку, скрывается совсем под водой, там впивается пальцами в щучьи глаза, показывается снова из-под воды, волочит по берегу свою добычу. Все видят: огромная щука и с нею молочник фунтов на десять...

Думнов кушак продевает под жабры, подвешивает так, что щучья голова у него вровень с затылком, а хвост волочится по земле. Идет в деревню, собираются бабы, вся деревня сбегается, и везде молва: Думнов щуку убил и еле донес...»

Все это я, помню, подростком прочел в какой-то растрепанной без обложки книге. Уже став взрослым, обнаружил: написано Пришвиным! И много лет жил с мыслью: увидеть бы такую картину хоть раз.

И это не самая крупная...

В позапрошлом году в Дарвиновском заповеднике мне сказали: «Такой способ охоты на щук теперь запрещен, тем более в заповеднике. Потихоньку щук, конечно же, бьют – острогу теперь делают из нержавеющей стали или титана, – но охотятся без свидетелей и нешумно. Но если хотите посмотреть нерест щук, приезжайте к 1 мая. Зрелище интересное».

И вот я, кажется, в самом медленном на свете поезде маюсь до Весьегонска. Тут друзья встречаются на катере, и мы, лавируя между льдин, уплываем в поселок Борок на знаменитом «искусственном море» – Рыбинском водохранилище.

Но невезенье – ничтожно мало воды! Загадочно мало для весеннего половодья – «за пятьдесят лет существования заповедника впервые наблюдаем такое».

Картина водной скудности удручает. По зеркалу половодья поднялись песчаные острова и каменистые гряды, темнеют пни деревьев, срубленных тут в ложе водохранилища перед войной, по ним угадывается русло реки Мологи. Тысячи пней черными кочками возвышаются на уже обсохшей земле. Пролетающие стаи гусей, наверное, с удивлением и настороженностью наблюдают необычный весенний пейзаж.

И нет нереста рыб. Шуки из глубины в это время идут на просторы залитых лугов, чтобы тут в прогретой воде бросить икру на щетинку луговых травостоев. Но луговины лежат сухими. Пересохшими выглядят ручьи и речки, по которым в «море» обычно льются талые воды. Поплавковые бакены, собранные на зиму в устья речек, должны сейчас весело плавать, а они стоят в грязевой жиже. Вода у Борка, обнажив песчаное дно, ушла от берега метров на двадцать. «Вот те и половодье!» – сказал озадаченный старожил этих мест.

О нересте шук могли мы лишь говорить, обсуждая за чаем сюрпризы странной весны.

У Пришвина все описано точно. Как только набухнут водяные закраины между сушей и льдом, шуки уже наготове. И по мере подъема воды они устремляются на луга, в тальники, в камышовые заросли. За крупной шукой, обычно кургузо-короткой, следует несколько самцов-молочников. Их отличишь сразу по длинному прогонистому телу, и они всегда значительно меньше шуки.

Таинство щучьей любви хорошо наблюдать в тихий погожий день. Спина у шуки иногда виднеется над водой. Рыба трется о травянистое дно, истекая зеленовато-желтой икрой, а молочники вьются вокруг акробатами, «подбеляя икру».

В любовном возбуждении шуки становятся небоязливыми. «Если, стоя в воде, шевельнуть ногой в резиновом сапоге, молочники могут это принять за призывный всплеск самки и подплывают вплотную».

Икрометание шук для многих обитателей водоемов – время большого пира. Одних интересует икра, а орлан-белохвост предпочитает унести щучку. Когда вода начнет убывать, шуки вместе с ней спешат уйти в водоем. Но кое-какие могут оказаться отрезанными и будут метаться в усыхающих лужах. Такие места не преминут проведать медведи, волки и лисы. Замечено: даже филины соблазняются рыбным столом, если шука ерзает на мели.

Сбросившие икру и молоки, шуки голодны и гоняются за добычей, как волки. С детства помню: весной, если удавалось поймать живца, шуку можно было считать уже на кукане. Голодная «крокодилица» после нереста может попытаться прищучить даже любовника. Но удача ей в этом сопутствует редко: брюхата, неповоротлива, а у молочников форма всегда спортивная – проворны, резвы.

В обычное время шука хватает все, что под руку попадает, в первую очередь, конечно, рыбу, подкарауливая ее в засаде. Но ловят шуки также лягушек, линялых раков, водяных крыс, зазевавшихся на мелководье куличков. Большая шука может проглотить утку. Описан случай, как «крокодилица» схватила за лапу гуся и пыталась его утопить. (Именно так охотятся крокодилы.)

По размерам шуки в российских водах уступают только сомам, но встречаются чаще. Шука – рыба обычная. Спокойные тихие реки, озера, речные старицы, большие пруды – вот щучья стихия. Промысловой рыбой шука не является. Но эта желанная рыба для рыболовов-спортсменов, и по этой причине ее даже кое-где специально разводят, инкубируя икру на искусственных нерестилищах.

Пищевые достоинства рыбы средние. Донские казаки раньше шуками брезговали – «лягушатница»! Древние римляне тоже эту рыбу не считали съедобной. Англичане же в Средние века ценили шук выше лососей, а у евреев это почти национальное блюдо.

Теперь посмотрите на снимок. Сколько весит, по-вашему, это чудище? Всего сорок килограммов. (Легко представить, насколько близится к облику крокодила трехпудовая шука.) Эту красавицу за неделю до моего приезда в Борк сетью поймал ихтиолог Николай Михайлович Зеленецкий. (Каждый год весной ведутся контрольные выловы рыб, идущих на нерест.) У этой шуки взяли трехлитровую банку икры. Ко дню беседы о шуках икра уже просолилась, и мы могли оценить ее вкус.

• Фото из архива В. Пескова. 12 мая 1996 г.

Маленькие тайны большого двора

Окно в природу

Мы еще сидели у телевизора, когда прокричал первый петух. «Двенадцать...» – сказал хозяин. Я поглядел на часы, было три минуты первого, и я подумал о неплохом чувстве времени у этой самой распространенной в мире птицы. Будильник у Николая Ивановича – электронный, показывает цифры, женским голосом называет время и в заключение кричит петухом. Но разбудил нас не этот хитроумный приборчик. Петухи! Ближе к рассвету началась перекличка. Один петух кричал голосом нестарого дьякона, другой слывет тут Шаляпиным, третий кричал, как с похмелья, у четвертого голосище походил на треснутый репродуктор. Я сунул голову под подушку, а Николай Иванович прошлепал к умывальнику и тут же пошел кормить и поить «возвестителей дня».

Зимой во дворе было примерно две сотни голов разной птицы: куры, гуси, утки, индюшки, цесарки, павлины, перепелки, фазаны. В мае численность взрывом увеличилась в десять раз. Двор пищит, крикает, квохчет, гогочет, не смущаясь дневным светилом, орут петухи, мяукают павлины.

С зари до зари Николай Иванович живет в ритме перпетуум-мобиле: кормит, поит, сортирует, согревает, проверяет кладки в гнездах и инкубаторах. И каждый день на белый свет из яиц проклевываются все новые желтенькие существа. Гусята почти сразу семейными группами идут на лужок к пруду, а тем, что вылупились в инкубаторе, Николай Иванович заменяет наседку: кому – красную лампу для обогрева, кому – водички, кому – травки зеленой. Недомоганье надо не проглядеть, от кошек, хорька и ворон уберечь. «Май – горячее время. И впрямь «портупей-мобиле», – улыбается Николай Иванович, присаживаясь на табуретку. Нажимает кнопку часов. «Двадцать три...» – говорит женский голос, сопровождаемый пением электронного петуха. Майский денек окончен.

Во всяком дворе непременно есть тайны. «Вот поглядите на эту крошку – два кулака в ней, не больше. Такая порода. И петушок ей под стать. Казалось бы, мир да любовь. Нет, нравится этой курочке петька в соседнем загоне. Петух-громила. И эта малютка украдкой бежит на свиданья. Противлюсь этому. Мне породе важно держать в чистоте. Но она старательно ищет щелку в ограде, а то и на крыльях к любимому...»

И петух-великан, и малютка – уроды, немалое отклонение от изначальной куриной породы, отклонение по прихоти человека-селекционера. Нет ли в тяготении друг к другу этих крайностей стремления природы вернуться к исходной жизнестойкой куриной форме?

Искусственным отбором выведены куры-несушки (кормят хозяина-птицевода). Но хорошо иметь во дворе и что-нибудь яркое, экзотическое: карликов, великанов, кур пятипалых, голенастых бойцовых, курочек с необычной расцветкой. Фантазией человека выведено четыреста разных пород. Но великолепная, с радужным оперением курица обычно плохая несушка, либо никудышная мать, либо болезням подвержена. Или вот ходят гуси. «Туляки», ближе всего стоящие к дикарям, жизнестойки, подвижны и плодовиты: десять яиц – десять гусят. А рядом в загоне – «холмогоры», весом едва ли не вдвое превосходящие «туляков». Красавцы – не оторвать глаз, степенность почти генеральская. Но «туляки» ходят возле пруда с птенцами, а эти бездетные – несутся плохо, и из восьми яиц в кладке только два оказались оплодотворенными.

Всякий изыск в селекции, приобретение каких-то особых качеств, сопровождается и потерей чего-то. Потому-то так важен прилив в любую породу «свежих кровей» – генетического материала исходных диких пород. Это одинаково важно и для животных, и для растений.

Сиденье на кладке яиц – изнурительная работа. «Туляки», высидевшие гусят, как будто Освенцим прошли – бледные, тощие. Зато с потомством! А у некоторых пород гусыни – плохие наседки: могут яйцо повредить, надолго отлучиться от кладки. Но все же материнский инстинкт у них очень велик. Николай Иванович таких обманывает: забирает все яйца и несет в инкубатор, а гусыне тихонько «подсыпает» бросовые, неоплодотворенные. Когда в инкубаторе яйца начинают «стучать», Николай Иванович несет их в гнездо. Гусыня подмены не замечает – радостно приветствует появление малышей.

Первый шаг со двора.

И все же лучший инкубатор – гнездо с хорошей наседкой. И наибольшее прилежание сидеть в гнезде – у индюшек. Греть будут яйца любые – куриные, утиные, гусиные. Птицеводы эту слабость индюшек используют. В этом году Николай Иванович у всех индюшек забрал кладки и снес в инкубатор, а им подложил яйца диких гусей, уток и лебедей. Об этом просил Московский зоопарк, пруды которого в связи с ремонтом весной были сухи. Сидят индюшки! Не ведают, что собственное их потомство уже вылупилось, уже греет Николай Иванович индюшат под красными лампами, кормит с полочки, поит из плошек.

Из родителей самые ревностные – гуси. С выводком ходят гусак и гусыня. Мать не спускает с детворы глаз, а папаша, вытянув шею, шипит змеей и готов ущипнуть проходящего. Мы с Николаем Ивановичем проделали маленький опыт – подменили гусят. Заперли гусака и гусыню под крышу и, забрав малышей, пустили в загон других того же дня рождения. Не приняли! Гусят отшвырнули и так раскричались, что закудахтали куры и стали возбужденно орать петухи. На глазах у гусей «подкидышей» мы забрали. Никакого протеста! Но сколько радости было, когда из лукошка мы выпустили двенадцать их чад – гусыня от счастливого возбуждения затопала лапами... По каким признакам угадывают гуси-родители малышей, для человека один от другого неотличимых?

Двор Николая Иваныча, конечно, не Ноев ковчег, но все же... Как уживается тут вся пернатая и непернатая братия? Чтобы предупредить ссоры и интимные внепородные связи, двор поделен на загончики. Свой загончик у каждой из двадцати пород декоративных кур. Свою «слободу» имеют во дворе гуси. Беспородные куры, индюшки, цесарки живут общежитием. Ссор не бывает. Но есть в этом таборе очаги притяженья. Коза, полученная Николаем Иванычем в дар, почему-то прибилась к индюшкам и пребывает в их обществе. Мускусные утки пренебрегают удобными для них гнездами-конурами и делают кладки под полом в овечьем загоне. Николай Иваныч беспокоился поначалу: не затопчут ли овцы утят? Нет, все до единого из подполья ежегодно выходят во двор.

Очень драчливы и очень ревнивы к появлению кого бы то ни было у гнезда канадские казарки. При мне казарка-отец напал на проходившего гуся холмогорской породы. Надо было видеть панику гусака-великана – убежал спотыкаясь. Вообще же гусь в смешанном таборе – персона авторитетная. Гусь всегда появляется с гордо поднятой головой, и никто (даже коза!) не посмеет его задирать.

А высший авторитет для всех во дворе пес Шерхан – овчарка кавказской породы. Пес похож на льва и ростом, и внешностью. А свирепостью, надо думать, и превосходит. Днем Шерхан взаперти и предается, как я заметил, тайным страстям – ловит от нечего делать мух. А ночью, закрутив все ворота проволокой, Николай Иваныч выпускает во двор Шерхана. Никого из обитателей двора он даже не подумает тронуть. Но чужому сюда лучше не приближаться.

Самым опасным врагом во дворе были бы крысы и мыши. Но их нет. Стоят повсюду мешки с зерном, в закутах – цыплята всех возрастов. Все это находится под опекой шести черных кошек. Они родились в гнездах индюшек и кур, знают все лазы и вылазы во дворе. Подозрительные к людям, с птицами кошки живут бок о бок. Мышей ходят ловить в поле, но не едят, а приносят и кладут во дворе. Две замечены в покушении на цыплят. Но прощены. «С такими потерями надо мириться, от крыс урон больше. Стараюсь надежнее малышей запереть. Но если пиратство не прекратится, приговор будет строгий».

Такой приговор вынесен был недавно воронам. Парочка их поселилась вблизи двора у пруда. Воровали яйца у кур и цесарок. Положит беспечная птица яичко под куст, ворона тут же в клюв его и была такова. Когда появились птенцы у ворон, птицы стали очень активными – в ход пошли яйца из кладок породистых кур. Унесут, сядут на землю вблизи гнезда, клювом высосут содержимое скорлупы и потом впрыскивают «яичницу» в оранжевые глотки своих птенцов. «Можно бы было махнуть рукой – вороны тоже живые твари. А нельзя – у породистых кур – золотые яички. Им строгий счет. Пришлось воронье гнездо разорить».

Николай Иванович Золотухин, живущий вблизи Подольска, не только грамотный птицевод-хозяйственник, но и страстный любитель домашних птиц, особенно кур и гусей. «Декоративные куры – иждивенцы двора. От них ни яиц, ни мяса, ни пуха – одна красота. Но я охотно плачу своими трудами за радость их видеть».

И еще одна страсть птицевода – природная любознательность. Тут наши интересы сошлись, и три дня назад во дворе мы проделали эксперименты с гусями и всей птичьей братией сразу.

Как ведет себя двор, если вдруг пролетел ястреб? Считается, что с рождения птицы различают силуэт хищника. Длинная шея, короткий хвост – неопасная птица: гусь, утка, журавль. А короткая шея и длинный хвост – это коршун, ястреб, канюк. Из картона, по опыту орнитологов, вырезали мы силуэты и на шпагате между шестами протянули над птичником. Действительно, «утка» не вызвала никакой реакции, а «ястреб» хотя паники не посеял, все же заставил кур отбежать под прикрытые стены.

И еще мы проверили давнюю байку о петухах, пьянеющих от склеванных ягод из винной настойки. Нужных ягод под рукой не случилось. Замочили мы в водке зерна пшеницы и куку-

рузы и накрошили в эту кашницу хлеба. Избранный для эксперимента Петро без колебаний и даже охотно клевал хмельной корм. Для верности Николай Иванович влил петуху в клюв пару наперстков водки. Настроив видеокамеру, стали мы ждать... Петух захмелел – раскрыл клюв, осоловело стал оглядывать окружающий мир, но ничего более не последовало, Петя только оцепенел – его можно было погладить по шелковой шее, потрогать за гребешок. Истошив терпение оператора передачи «В мире животных», Петя строевым шагом подошел к сосновой колоде, прыгнул на нее и, словно насмехаясь над нами, прошел туда и сюда не качнувшись.

Мы сели обедать, поглядывая в окно. Петух стоял на бревне в задумчивой позе. И когда уезжали, он только чуть-чуть подвинулся, вежливо уступая дорогу. Опынания, при котором, как рассказывают, петухи лежат кверху лапами и можно их ощипать, не наблюдалось. Животные могут хмелеть так же, как люди. Но тут либо «выпито» было мало, либо очень был крепок петух на спиртное, либо рассказы о хмельных петухах не больше, чем байки.

• Фото автора. 17 мая 1996 г.

На костре жизни

Окно в природу

На конном заводе мне рассказали. «Вон, видите, кобылица. Мы хотели в нужный момент свести ее с породистым жеребцом. Не получилось! Кобылица стала лягать жениха. И заржала. Откликнулся ей вон тот жеребчик. Невзрачный по сравнению с племенным породистым производителем. Однако именно он почему-то нравился кобылице. Заботы о племени в этот раз у нас не было. Решили дать волю возлюбленным. И надо было видеть, как трогательно они встретились... Вон, посмотрите, бегают их жеребенки...»

Мудрецы говорили: миром правят любовь и голод. Биолог сказал бы о том же иначе: два инстинкта, два врожденных чувства являются главными – утоление голода и в зрелом возрасте тяга к противоположному полу. И то и другое обеспечивает продление жизни.

Говорят иногда: «Любовь с первого взгляда». Существует она? Несомненно. Это мгновенная, неосознанная (инстинктивная) оценка объекта по внешним физическим данным. «Любовь слепа», – говорят о случаях, когда становится ясно, что выбор случаен, что партнер по моральным и другим каким-нибудь данным любви не заслуживает. Так у людей. А у животных? Оценка первым взглядом имеет те же мотивы в животном мире. Но можно думать, что там ошибок в этом выборе меньше, поскольку ума, таланта, моральных качеств в дикой природе у партнеров не ищут. Был бы крепок, статен, здоров. Эти качества птицы, например, демонстрируют в брачный период богатством красок в оперении (в этом всех превосходят райские птицы, павлины, турухтаны, тетерева). Показателем здоровья и силы для самки оленя и лося служат рога самцов. «Индикатор» этот надежный. Рога ежегодно сбрасываются. И если организм к новой брачной поре в состоянии израсходовать много жизненных сил, значит, потомство будет жизнеспособным. Но вот и другой с таким же убранством на голове. Кого предпочесть?

У многих животных в брачную пору проходят турниры между самцами, при которых внимательно наблюдающие самки видят сильного, обнаружат трусость или изъязны в поведении женихов. Самому достойному и отдают любовь обычно спокойно наблюдающие за ритуалом со стороны самки оленей, тетерки, глухарки.

Носороги.

Достоинства партнеров иногда выясняются не в драке, а в танцах (например, у журавлей), в демонстрации строительства гнезд, в сложном ритуале ухаживания, наконец в песне. Изумительное по красоте пение соловья – не только призыв самки, не только сигнал сопернику – «территория занята!», в этом пении, можно думать, закодирована и жизнеспособность певца. Самка, еще не видя самца, по песне делает выбор.

Можно привести много других примеров выявления жизненных сил и «серьезности намерений» в продолжении рода.

Австралийская птица шалашник оборудует специальную площадку любви, строит на ней нечто вроде беседки и украшает разноцветными камешками, ракушками, лепестками цветов. В других случаях самец должен показать умение строить жилище, способности добывать для птенцов корм. Страусы, у которых быстрый бег – основа жизненного успеха и выживания, кроме демонстрации пышного брачного оперения и победы в турнирах, должны показать еще и спринтерские способности. Самка стремительно убегает, а достойный любви должен ее догнать. Или присмотритесь к стрекозам. Летуны-виртуозы сладость любви постигают в парном полете. В нем проявляется пригодность для продолжения рода.

Ни у кого в природе эмоциональная окраска любви не может сравниться с переживаниями человека, окрыляющими его – «способен горы сдвинуть» – или заставляющими чувствовать себя несчастными. Имеется в виду именно любовь, а не то, что ныне принято называть сексом. Но не все одинаково в фантастически разнообразном мире животных. Мгновенье любви у мух мгновеньем и является. Молниеносный наскок, и парочка разлетелась. Лишены эмоций и скоротечные встречи кротов. Мрачно встретились, сделали предписанное природой, мрачно и разошлись. Но послушайте, как трубят в болотных крепях весной журавли. Любовный крик одного подхватывается партнером – и до нашего уха ветер доносит слитный крик, песню любви торжествующей.

Глубокими переживаниями сопровождаются любовные перипетии гусей. В сложной социальной жизни гусиной стаи пары влюбленных чувствуют себя счастливыми. Гусак будет яростно защищать свою честь, будет стеречь подругу, пока гусыня сидит в гнезде, будет вме-

сте с нею воспитывать малышей. В случае гибели подруги или измены (тоже, увы, случается!) гусак страдает настолько, что теряет чувство самосохранения.

Очень трогательны отношения у влюбленных слонов. Парочка удаляется от сородичей и несколько недель проводит в уединении. «Он провел кончиком хобота у нее по спине, она тоже ответила ему нежным прикосновением», – пишет пристальный наблюдатель. Это начало любовной сюиты. Нежность и страсть нарастают тут постепенно. На какой-то день ухаживания наступает момент, когда слоны замирают друг против друга, подняв кверху сплетенные хоботы. Потом оба хобота превращаются в инструменты изощренной эротики. И это, пожалуй, самая бурная фаза любви. Заключительный акт кажется тихим, спокойным, коротким – одна минута. Он повторяется день за днем со все большими перерывами, и наступает момент, когда забеременевшая самка начинает партнеру показывать, что соскучилась по семье. Уход подруги слону не нравится, но воспротивиться он не может. Двадцать два месяца у слонихи длится беременность, потом несколько лет с помощью «тетушек» она воспитывает малыша. За это время слон не один раз находит себе новую пару и переживает с нею медовые дни. Не исключено, что самка, воспитав малыша, может встретиться с прежним возлюбленным, но, скорее всего, им станет кто-то другой. Таким образом, можно сказать, что слоны переживают до старости несколько глубоких и довольно длительных увлечений, которые без натяжки определяют словом «любовь».

Привязанность на всю жизнь (моногамия) в природе явление более редкое, чем полигамия. Многолетнюю привязанность друг к другу сохраняют волки, койоты, лисы. Волчица, определив избранника (иногда она помогает ему прикончить соперника), больше к себе уже никого не подпустит. Потомки волков собаки в этом смысле полная противоположность диким своим сородичам. За самкой собаки (сукой) во время течки вьется шлейф ухажеров, и каждый может рассчитывать на взаимность. Сохраняют верность друг другу пары у гусей, лебедей, бобров и, как ни странно, у некоторых рыб.

Есть в природе и сексуальная деспотия. Олени и жеребцы ревниво стерегут свои табунки самок. Морские котики, образовав гаремные группы на берегу, ведут себя, как султаны. Самочка, легкомысленно решившая прогуляться за дозволенную черту, будет силой водворена на место, и, если сосед-владыка заявит права на беглянку, возникают между секачами кровавые драки.

Особенный деспотизм царит в сообществе обезьян бабуинов. Альфа-самец тут не только является предводителем, но и «султаном», за которым сохраняется право спариться с любой самкой. Остальным же как повезет. Такие сообщества живут в большом напряжении. «Султан» все время должен силой подтверждать свою власть, а соплеменники ждут момента занять его место.

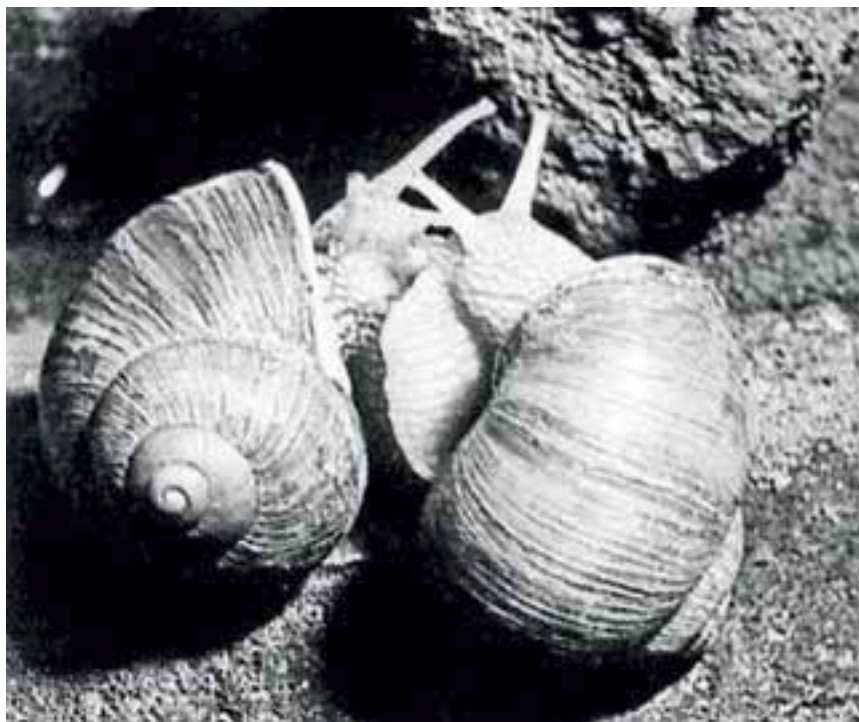

Пингвины.

Чтобы не происходило вавилонского столпотворения в сексуальных процессах, у каждого вида животных есть «опознавательные знаки» – облик тела, сигнальные пятна в оперении, в расцветке меха, песня, характерные запахи. Наконец, там, где путаница у близкородственных видов особенно вероятна, действует поведенческий код-пароль (как при встречах секретных агентов), один должен подать соответствующий знак, другой ответить строго определенным образом, за чем следует новый опознавательный знак. У некоторых животных это довольно сложный поведенческий шифр. Он дает возможность не только не спутать «своего» и «чужого», но и проверить психологическую устойчивость партнера, его полноценность в продолжении рода.

Важно сказать, в животном мире образование пар, половое сближение продиктовано только задачей воспроизводства себе подобных. Оно ограничено по времени и обуславливается готовностью самки к спариванию. В средних широтах любовный гон у разных животных проходит в разное время: у медведей – летом, у лосей и оленей – осенью. У лис и волков – в середине зимы, у зайцев – в самом ее конце, у мышей в поле страсти кипят под снегом всю зиму. Время года обусловлено разными сроками беременности у разных животных. Малыши должны появиться уже в бесснежное время и должны до новой зимы окрепнуть, а в некоторых случаях уже быть готовыми к самостоятельной жизни.

Есть случаи, когда фаза сексуальной восприимчивости у животных очень мала. В Америке обитает грызун поркупайн (древесный дикобраз). Самочка этого древоеда лишь одни (!) сутки в году способна к спариванию. Календарем этот день, разумеется, не отмечен. Идет созревание яйцеклетки. Этот процесс сопровождается физиологическими сигналами, к которым самочка поркупайна чутко прислушивается и ведет себя так, чтобы в нужные двадцать четыре часа оказался рядом колющий партнер. И он, наблюдая за поведением самки, всегда тут как тут. Если же партнера в нужный час в нужном месте и «во всеоружии» не оказалось – все, поезд ушел, потомства у этой самки не будет. Надо ждать еще год. Но такое случается, видимо, редко – поркупайны живут в Америке повсеместно вплоть до Аляски.

Улитки.

Сексуально восприимчивыми в любое время наряду с человеком называют еще обезьян гиббонов. Но половые отношения у этих голосистых обитателей леса Юго-Восточной Азии не беспорядочны. Гиббоны нежно привязаны друг к другу, ревнивы и находятся в ряду немногих животных, чьи чувства вполне можно определить как любовь.

В других случаях это слово кажется неуместным, настолько прозаической, упрощенной и грубоватой выглядит встреча самца и самки. Мы, однако, не все знаем об эмоциях, предшествующих этой минуте. Ведь и финальная близость в любви человеческой, если ее рассматривать обособленно от всего, что предшествует заключительной фазе, довольно близко стоит ко всему, что видим мы у животных.

В «спальню животных» человек заглядывал с тех времен, когда и сам был еще зверем. Любознательность в сочетании с растущей сообразительностью научила его коварно использовать брачное поведение птиц и зверей в охотничьих целях. Подражая призывному голосу самки или самца, он заманивал «потерявших головы» любовников в ловушки, подходил к ним на выстрел. Сами сцены любовных встреч наблюдал он, конечно, с большим интересом. Сегодня для биологов, занятых изучением поведения животных, половая их близость много дает для понимания общих законов жизни. Простейший и самый существенный вывод: для всех животных (и человека тоже) инстинкт продолжения рода – важнейший. Природа позаботилась, чтобы осечек в этом процессе было немного. С огромным избытком расходуется семя, все животные надежно приспособлены к соитию, и «умелость» в этом процессе врожденная, ей не учатся. Объект анекдотов – колючий ежик никаких затруднений в обладании самочкой не испытывает. Столь же результативны свидания черепах и закованных в броню хитина жуков. Самцы моржей и бобров в детородном органе имеют косточку. Сопития с самками у них происходят в холодной воде, и природа позаботилась об их надежности.

В заключение надо сказать: у Природы пасынков нет, все у нее любимые чада. Заботясь о продолжении рода каждого существа, Природа близость двух разнополых объектов награждает сладостной радостью. Без этого важного стимула костер многоликой жизни давно бы погас.

- **Фото из архива В. Пескова. 24 мая 1996 г.**

Живущий в крепости

Окно в природу

Первый раз я увидел его давным-давно. Усманским бором возвращался я под вечер на велосипеде домой. Лес был тих и спокоен. Укатанная дорожка несла как на крыльях. И вдруг почти прямо под колесо из кустов выкатился какой-то неуклюжий, мешковатый зверюга. Я бросил велосипед – и вдогонку, в надежде сфотографировать. Зверь бегуном был неважным и удирает, стараясь скрываться в желтеющих папоротниках. Но папоротники шевелились, и я верно держал направление. Казалось, вот-вот зверь выбежит на поляну и можно будет снимать. Ан нет! Мелькнув еще раз-другой в папоротниках, беглец вдруг исчез. Пошарив в зарослях, на склоне лесного овражка, я обнаружил нору. Лаз в нее отполирован был почти что до блеска. Ясно было, что зверь схоронился в норе, что бежал он сюда целенаправленно, напрямиком, и что зверем был упитанный к осени барсучок. Бежал он явно с усилием, пыхтел, и, если б не земляная крепость, я мог бы его как следует разглядеть.

Конечно, крепость я изучил, обнаружил в бугре еще четыре норы. Как разведчик, в книжечку тщательно записал я приметы, по которым барсучью крепость можно было бы отыскать. Домой ехал счастливым обладателем тайны: «Знаю, где живут барсуки».

* * *

Потом я видел барсуков много раз и на воле, и пойманными – в загонах и клетках. Занятный зверь! Тело – мешок мешком, голова с заостренной мордой, удобной внедряться под землю, когти на ногах длинные, приспособленные для рытья. Однажды дикий, пущенный в загон барсук у меня на глазах ушел в рыхлый песчаный грунт – как из шланга, летела земля из норы, потом барсук задом вытолкнул землю и притих в подземелье.

Схватка с лисицей.

Барсука всегда вы узнаете по слегка сплюснутой сверху вниз голове с двумя черными полосами от носа к ушам. Он никак не похож на куницу, соболя или хорька и уж тем более на ласку и горностая, хотя является им родней – семейство кунных.

И образ жизни у барсука отличен от всей родни. В нем нет проворства, и потому спасение ищет в убежище. Оно у этого землекопа всегда добротное. Выбирает для него барсук место укромное, тихое, но не всегда в глуши леса, частенько строит он крепость где-нибудь близко к опушке или даже в степном заросшем овраге. Свое присутствие барсук ничем не выдаст – тих, одинок, скрытен. Днем в крепости отсыпается, а в сумерках (в местах беспокойных – лишь ночью) выбирается на кормежку.

Когда сидишь у норы в ожидании выхода зверя, слышишь сначала характерный звук стряхивания земли с шерсти. Потом барсук покажет лишь нос из норы, принюхается и спрячется, потом высунет голову, иногда даже выскочит, но тут же спрячется в нору. Это проверка – нет ли вблизи опасности? Если опасности нет, барсук рысцой отправляется на охоту, удаляясь от норы иногда до пяти – семи километров. Но при угрозе чего-нибудь он устремляется к своей крепости, только в ней он чувствует себя в безопасности.

Подземное убежище барсука хорошо оборудовано: выходны лазы, норы запасных выходов, норы для вентиляции. В середине жилища – выложенная мхом, папоротником и сухими травами «опочивальня», где барсук спит днем и зимует.

Чистота, аккуратность – отличительные черты этого зверя. Перину в «опочивальне» он либо меняет, либо просушивает и проветривает, вынося из норы. Отхожее место у барсука – в стороне от жилища. Он роет ямку и по мере ее заполнения закапывает и роет новую. Этому правилу не следуют лисы, частенько поселяющиеся в крепости барсуков. Возле их лазов вонь, валяются кости, перья, помет. Чистюля барсук вынужден с этим мириться, оставляя лисам верхние горизонты жилища, а сам зарывается глубже, иногда пять метров от верхушки холма-цитатели. Барсучьи норы, не сильно в них углубляясь, используют зимой енотовидные собаки, дикобразы и даже волки, если барсучья крепость достаточно потаенна и если вблизи есть вода.

Образ жизни барсука сходен с жизнью нередкого его соседа – ежа. В сумерках выбираются они на охоту и могут шуршать листьями недалеко друг от друга. И пища их сходная, главное в ней – насекомые. Для барсука лакомство – осиные и шмелиные гнезда, поедает он также всяких жуков, но особенно любит откапывать их личинки, ловко выуживает из земли дождевых червяков, собирает слизней, ловит лягушек и ящериц, поедает содержимое мышиных и птичьих гнезд, так же как еж, не брезгует змеями и ужами. (От яда барсука предохраняют щетинистый мех и жир под кожей.)

Соблазнится барсук и падалью, роет корни трав, ест желуди, наткнувшись на бахчу, барсук будет сюда охотно наведываться, предпочитая поедать дыни.

Как ведет себя барсук, застигнутый в стороне от убежища? В первую очередь он к убежищу попытается прорваться, а если не получилось, то примет бой. Неповоротливый с виду, он в мгновение ока оборачивает к противнику хорошо вооруженную пасть, а в смелости и решительности барсука можно сравнить с родственником его – соболем. Если силы неравные, барсук, как опоссум или енотовидная собака, может прикинуться мертвым, терпеливо сносит удары, укусы, но, выбрав момент, вскочит и убежит – что есть мочи побежит к своей крепости. Тут неуязвим он для всех, исключая, конечно, людей.

Зимой барсуки спят. Но не так, как сурки, у которых намного снижаются все жизненные процессы (спячка), а как медведи (сон). В морозы сон крепок, а в оттепель барсук даже может вылезти из норы, потоптаться и поест снега.

На зиму барсук запасается жиром – вес его к осени удваивается. Но кое-что приносит зверь и в свои кладовые – вяленых лягушек, всякие корешки. Это запас не на зиму, а на весну, когда барсук вылезет из подземелья тощий, как щепка, а попасться негде – снег еще не сошел.

Живут барсуки десять – двенадцать лет.

* * *

Если барсуков не тревожить, они крепко держатся мест обитания, расширяют и расширяют свое хозяйство, образуя целые подземные городки – протяженность нор достигает иногда двухсот метров. Один из таких городков наблюдал я в Дарвинском заповеднике, на побережье Рыбинского водохранилища.

В этих местах близ поймы реки Мологи полтора столетия для выплавки железа и сельских кузниц производили древесный уголь. Уголь «жгли» в земляных ямах с насыпными краями, и от этого образовалось примерно две тысячи бугров. На водохранилище они возвышаются маленькими, поросшими деревьями островами, на заболоченной суше, по мелколесью они тоже выглядят островками добротного древостоя.

Редко бывает, чтобы результат человеческой деятельности на природе сказался бы плодотворно. «Угольные ямы» на вологодской и ярославской земле – такой редкий случай. Сухие бугры на болотистых землях привлекают многих животных. На буграх в берлоги ложатся медведи, роют норы лисы, делают логова волки, находят приют енотовидные собаки. И благоденствуют тут барсуки, для них сухой, рыхловатый бугор – наилучшее место для строительства крепостей.

Из некоторых ям уголь почему-то не выбрали или выбрали, но не полностью. И звери порою из логова вылезают черные, как трубочисты.

С ученым заповедника Андреем Кузнецовым мы отыскиали бугор, давно облюбованный барсуками. Это был целый барсучий город. Мы насчитали в нем двадцать шесть нор, утрамбованную площадку для солнечных ванн, во все стороны от бугра уходили незаросшие тропы, по которым многие поколения барсуков уходили по ночам на охоту и под утро возвращались с нее. На тропах вороненой синью поблескивал непереваренный хитин жуков, валялись лапки лягушек.

В крепости явно жили и лисы – белели обглоданные кости, зеленели перышки селезня. Мы заглядывали в норы, хлопали ладонями по утрамбованным лазам. Кто-то там под землей все это слышал и терпеливо ждал окончания беспокойства, уверенный: земляная крепость надежна.

Барсучьи городки служат животным десятки и сотни лет. А недавно, кажется где-то в Германии, сделав углеродный анализ, зоологи определили: барсучьему поселению более тысячи лет. И оно по-прежнему обитаемо! Сколько человеческих селений сметено временем, сколько всяких перемен на земле. А поколения барсуков живут-поживают в счастливо выбранном месте, где их никто и ничто не тревожит. «Нехило!» – скажет кое-кто из читателей. Да, долговечность барсучьей крепости впечатляет. Но вообще-то барсуков на земле осталось немного. Нет таких крепостей у природы, которые человек не умел бы разрушить.

• Фото из архива В. Пескова. 7 июня 1996 г.

Умолкающий невидимка

Окно в природу

Слышали его многие, но мало кто видел. Для меня с детства он был самой загадочной птицей. Каждый вечер за гумном, в травах слышались странные крики: «Крэкс! Крэкс!» И не в одном месте. Перекличка продолжалась до ночи и была, как и петушиные крики, частью деревенской жизни. Конечно, хотелось узнать – кто это прячется в травах и не боится подавать голос? Я крался, и казалось, вот-вот кто-то из травы вылетит. Иногда птица кричала в каких-нибудь пяти шагах. Я бросался в нужное место, но никто не взлетал. А крик минут через пять раздавался из другой, тоже недалей, точки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.